

**О религиозном сектантстве в
нашем образованном
обществе**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
О-11

О-11 О религиозном сектантстве в нашем образованном обществе / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 46 с.

ISBN 978-5-458-56086-3

ISBN 978-5-458-56086-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Крутой поворотъ, сдѣланный Петромъ Великимъ отъ древняго строя нашей умственной жизни къ европейскому образованію, оторвалъ отъ нашего народа передовую и лучшую его часть. Отъ Петра и до послѣдняго времени народъ нашъ, говоря современнымъ языкомъ, походилъ на желѣзнодорожный поѣздъ, у котораго оторвался локомотивъ. Локомотивъ полетѣлъ впередъ, а вагоны стали неподвижно. Народъ нашъ въ теченіе вѣковъ воспитался и сложился подъ вліяніемъ православной церкви во всѣхъ отрасляхъ своей жизни—отъ религіозныхъ воззрѣній до внѣшняго порядка и обыденныхъ обычаевъ. Его образованіе имѣло характеръ церковности, заимствованной отъ греческой церкви. Онъ учился по книгамъ Священнаго Писанія, по тяжелымъ славянскимъ переводамъ греческихъ отеческихъ твореній и не менѣе тяжелымъ произведеніямъ отечественной письменности. За немногими исключеніями, онъ не усвоилъ, какъ должно, высокаго ученія своей церкви, но крѣпко устоялся въ церковной практикѣ. Онъ въ простотѣ своей думалъ, что мыслить обо всемъ умомъ своей церкви и смотреть на весь міръ ея очами; а потому смущался всѣмъ, что отъ его понятій было отлично и его обычаю чуждо. Поэтому онъ былъ не готовъ къ спокойному, разумному и сознательному усвоенію европейскаго образованія; онъ его испугался. Но сколько онъ былъ своеобразенъ и не похожъ на западныхъ европейцевъ, столько же эти послѣдніе были не похожи на него. Между тѣмъ ему предстояло силою внѣшнихъ обстоятельствъ передѣлаться въ народъ европейскій. Въ большинствѣ своемъ онъ на это не пошелъ, потому что его къ этому не подготовили. Ему не показали просвѣщенія съ внутренней, разумной его стороны, не примирили науки съ его вѣрою, не пощадилъ его національныхъ свойствъ и вѣбовыхъ обычаевъ, и онъ остался неприступнымъ для европейскаго просвѣщенія въ то время, когда передовая часть его передѣлывалась въ народъ европейскій. Она и передѣлалась. Это было несчастіе столько же для народа, сколько и для передовой его части.

Обѣ стороны взаимно, какъ не поняли сначала, такъ и теперь не понимаютъ другъ друга. Эта трудная задача примирить обѣ стороны, выяснить ихъ взаимныя отношенія и сростить снова обѣ разорванныя части въ одно цѣлое органическое тѣло предстоитъ намъ, вразумленнымъ горькимъ опытомъ двухъ послѣднихъ вѣковъ.

Чѣмъ больше съ теченіемъ времени наши первые образованные люди углублялись въ европейское просвѣщеніе и европейскую жизнь, тѣмъ больше они отдалялись отъ народа. При блескѣ европейской цивилизаціи ихъ родная страна представлялась имъ дикою и ихъ собственный народъ невѣжественнымъ. Это во многихъ отношеніяхъ было вѣрно, но они эти признаки внѣшней дикости и неравнотности распространили и на нашу вѣру и церковь. Вслѣдъ за иностранцами, особенно протестантами, они смѣшали народную вѣру съ суевѣріями, въ уставахъ нашей церкви увидѣли одну мертвую букву, въ народныхъ обычаяхъ безсодержательныя преданія грубой старины. Они стали плѣнниками западной Европы въ нравственномъ отношеніи, отчужденными отъ своей родины. И могли ли они стать въ иное положеніе по отношенію къ своей родной землѣ? Справедливость требуетъ сказать, что это превышало ихъ силы.

Что они видѣли въ Европѣ, и что у себя дома въ религіозномъ отношеніи? Тамъ у народовъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій они нашли богатую духовную литературу, къ которой открыло имъ доступъ изученіе иностранныхъ языковъ, у насъ же видѣли въ этомъ отношеніи крайнюю скудость. Могли ли они сидѣть за нашими славянскими книгами въ деревянныхъ, обтянутыхъ кожею, переплетахъ съ мѣдными застежками, когда имъ со всѣхъ сторонъ предлагали нарядныя благочестивыя книжки, написанныя изящнымъ языкомъ? Могли ли они сохранить расположеніе къ нашему богослуженію, которое переставали понимать, требовавшему продолжительнаго стоянія на ногахъ, при плохомъ пѣніи, когда въ европейскихъ церквахъ они безъ утомленія, сидя, могли слушать великолѣпныя органы и краснорѣчивыя проповѣди? Къ этому, въ оправданіе себя, они стали указывать на бѣдность нашихъ храмовъ, на необходимость смѣшиваться въ

нихъ съ простымъ народомъ, не знающимъ приличій. Ихъ сокровище, религиозное чувство, перемѣстилось за границу; туда потянулось и ихъ сердце.

Удержать ихъ въ оградѣ своей церкви, разъяснить имъ внутреннее ея достоинство и превосходство ея ученія и уставовъ предъ исповѣданіями западными должны были пастыри церкви, или духовенство; но въ какомъ положеніи было наше духовенство въ петровское время и въ теченіе всего XVIII столѣтія? Правда, были у насъ ученые архипастыри, но крутая реформа лишила и ихъ самихъ единокущія, и повергла въ смутное и тяжкое положеніе. Достоинство ихъ было унижено недоувѣріемъ правительства и гласнымъ заявленіемъ въ законодательномъ актѣ, что «должность ихъ великая, по чести никаковыя», и особенно запрещеніемъ при обзорѣ епархій въѣзжать въ города и повелѣніемъ останавливаться за городомъ въ палаткахъ. Тѣхъ изъ нихъ, которые въ чемъ нибудь обнаруживали особенную ревность и возбуждали недоувѣріе правительства, особенно въ бироновское время, брали подъ арестъ, подвергали пыткамъ, лишали сана, заключали въ крѣпости, ссылали въ Сибирь. Могло ли въ этомъ положеніи наше высшее духовенство въ глазахъ нашихъ первыхъ европейцевъ выдержать сравненіе съ блестящимъ положеніемъ римскихъ кардиналовъ, прелатовъ и ученаго сословія протестантскихъ пасторовъ? Отъ монашества, при общемъ недостаткѣ образованія, трудно было ожидать просвѣтительнаго вліянія, когда число иноковъ строго было ограничиваемо, монастыри были закрываемы, или обращаемы въ госпитали и богадѣльни, а монахамъ строго запрещено было имѣть въ кельѣ перо и чернила. О бѣломъ духовествѣ того времени и говорить нечего. Въ школахъ оно не училось, да и школы для него почти не было. Высшее положеніе его было жалкое: оно было скучено въ своемъ сословіи безъ выхода въ другія, и лишено освѣженія притокомъ новыхъ силъ изъ другихъ сословій. Изъ него лишніе члены отдаваемы были въ солдаты, помѣщики сѣкли духовныхъ лицъ на конюшняхъ, за проступки сажали священниковъ на цѣпь и били, за неслуженіе царскихъ молебновъ тысячами ссылали въ Сибирь. Могъ ли такой разгромъ духовенства, такое унижительное его положеніе

и бѣдность не возбуждать въ высшихъ нашихъ сословіяхъ пренебреженія къ нему? Отъ того-то до недавняго времени въ домахъ образованныхъ людей лицъ духовныхъ не пускали дальше передней, исключая времени совершенія требъ. По внѣшней бѣдности и внутренней неразвитости, духовенство совсѣмъ было чуждо нашему образованному обществу. При всемъ этомъ можно ли было думать о какомъ нибудь вліяніи его на передовое общество, терявшее расположеніе къ своей церкви? Только дворяне не вкусившіе еще европейскаго просвѣщенія, и изъ послѣднихъ избранные люди, понимавшіе неестественное положеніе дѣла, вмѣстѣ съ духовенствомъ и простымъ народомъ жили церковною жизнью по старымъ преданіямъ, въ ожиданіи временъ лучшихъ. Отсюда ясно, что къ европейскому образованію вмѣстѣ съ передовыми сословіями, и еще и раньше, надобно было двигнуть и духовенство, чтобы оно могло стать въ уровень съ требованіями времени и своимъ руководствомъ предохранить новое образованное общество отъ увлеченій чужими религіозными идеями и обычаями; но этого не случилось. При Екатеринѣ II это ложное положеніе было понято, и дѣтей духовенства стали силою загонять въ школы, но дѣло шло туго. Только при Александрѣ I-мъ духовенство было призвано, какъ должно, къ научному образованію, но самое дорогое время для уравненія его въ умственномъ отношеніи съ образованнымъ обществомъ было опущено.

Нѣчто въ родѣ каменной стѣны воздвигло между нашею церковію и образованнымъ обществомъ предпочтеніе иностранныхъ языковъ своему отечественному и незнаніе языка богослужебнаго. Всѣмъ извѣстно, какъ сначала шло и какъ теперь еще идетъ начальное воспитаніе въ нашихъ высшихъ кругахъ. Иностранныя бонны, гувернантки и гувернеры доселѣ еще властвуютъ надъ малолѣтними дѣтьми нашего образованнаго общества; чистое произношеніе дѣтьми иностранной рѣчи, по которому въ Европѣ не могли бы отличить русскаго человѣка отъ мѣстнаго жителя Франціи, Германіи и Англіи, доселѣ озабочиваетъ великосвѣтскихъ родителей больше, чѣмъ основательное усвоеніе и знаніе родного языка. Мнѣ очень было прискорбно, когда въ одномъ дворянскомъ богатомъ

семействѣ четырехлѣтній мальчикъ на вопросъ мой, сдѣланный по русски, отвѣчалъ мнѣ: *ich will nicht*. Спрашиваю родителей: зачѣмъ вы учите мальчика нѣмецкому языку, не давши ему выучиться говорить по русски? Мнѣ отвѣчали: «чтобы въ раннемъ возрастѣ усвоилъ правильное произношеніе. Потомъ будемъ учить языкамъ французскому и англійскому; а по русски говорить потомъ самъ выучится». Это напомнило мнѣ откровенное признаніе одной великосвѣтской дамы, которая, въ разговорѣ со мною, утомившись сочиненіемъ русской рѣчи, сказала наконецъ: «знаете что, когда я говорю по русски, мнѣ даже зубы больно».—Но по психологіи извѣстно, что человѣкъ на томъ языкѣ мыслить, который лучше знаетъ; слѣдовательно, на привычномъ чужомъ языкѣ легко читаются иностранныя книги и легко усвоятся чужія мысли. Вотъ почему, когда духовенство наше ожило въ дѣлѣ образованія, когда наша духовная литература богатѣетъ съ каждымъ днемъ, у великосвѣтскихъ людей нашихъ русскія духовныя книги вываливаются изъ рукъ. Но что сказать о языкѣ славянскомъ? Относительно его и отъ благочестивыхъ образованныхъ людей нашихъ мы слышимъ жалобныя вопросы: «Когда же наше богослуженіе и молитвы переведутъ на русскій языкъ? Мы ихъ не понимаемъ.» Имъ дѣла нѣтъ до того, что славянскій языкъ имѣетъ высокія качества, наиболѣе соответствующія богослуженію; что весь славянскій православный міръ молится и слушаетъ богослуженіе на этомъ языкѣ; что этотъ языкъ составляетъ живую связь между славянскими племенами; что замѣна славянскаго языка русскимъ въ нашихъ храмахъ оттолкнетъ отъ церкви весь нашъ простой народъ; для нихъ все это не важно. Несчастіе въ томъ, что съ дѣтства не познакомили ихъ съ языкомъ славянскимъ, и теперь они готовы учиться скорѣе санскритскому языку, чѣмъ славянскому, потому что изученіе перваго все таки имѣетъ для нихъ научный интересъ; а зачѣмъ изучать свой старый языкъ, когда пора его бросить?

Не забудемъ при этомъ, что иностранные воспитатели, обучающіе русскихъ дѣтей своимъ языкамъ, не могутъ не вліять на ихъ религіозныя возрѣнія при той разности, которая существуетъ между ихъ исповѣданіями и православною

вѣрою, и при ежеминутномъ общеніи съ дѣтьми. Ихъ религіозныя мысли высказываются ими невольно, ихъ поведеніе и примѣры у дѣтей передъ глазами. Сравнительная легкость внѣшнихъ религіозныхъ обязанностей, какія возлагаются на иновѣрцевъ, особенно протестантовъ, ихъ исповѣданіями, предъ трудами, требуемыми уставами и богослуженіями нашей церкви, соблазняютъ дѣтей, и въ послѣдствіи производятъ въ нихъ охлажденіе къ церкви и недовольство ея учрежденіями. Многіе воспитатели, по чувству чести, такъ какъ имъ довѣрены православныя дѣти, не касаются религіозныхъ вѣрованій своихъ воспитанниковъ, и даже стараются поощрять ихъ къ исполненію православныхъ обрядовъ, но и здѣсь отъ ихъ невѣдѣнія происходитъ запутанность. Не могу я забыть простодушнаго объясненія одного добраго гувернера швейцарца, который, въ доказательство того, что онъ старается о воспитаніи порученныхъ ему дѣтей въ духѣ православія, сказалъ мнѣ: «я всякій день утромъ и вечеромъ заставляю ихъ молиться предъ портретомъ ихъ покойнаго отца». Немалого труда стоило мнѣ объяснить ему разность между портретами и святыми иконами и правильное отношеніе къ тѣмъ и другимъ.

Но, что облегчаетъ нравственную отвѣтственность за уклоненіе въ секты нашихъ образованныхъ людей прошлаго столѣтія, то не оправдываетъ ихъ послѣдующихъ поколѣній, съ начала текущаго столѣтія и по настоящее время. У насъ съ этого времени появились отечественные писатели съ высокими талантами въ разныхъ отрасляхъ литературы, въ томъ числѣ и въ духовной. Духовенство становилось по умственному развитію образованнѣе, въ дѣлѣ своего служенія достойнѣе и по внѣшности приличнѣе. Появились проповѣдники, которыхъ можно было послушать, пастыри, съ которыми можно было посоветоваться, и ученые, съ которыми можно было побесѣдовать. Но наше свѣтское общество всѣмъ этимъ мало интересовалось; успѣхи отечественнаго религіознаго образованія его не радовали; православная церковь съ своими миллионными членами, какъ крѣпкое зданіе Божіе, на которомъ видимо исполнялось обѣтованіе Спасителя объ ея несокрушимости, имъ не представлялась заслуживающею вниманія, и ея исторія и внутреннее устройство казались не

стоящими тщательнаго изученія. Ихъ вниманіе и сочувствіе были направлены къ литературѣ свѣтской, и притомъ преимущественно иностранной. У кого изъ нихъ всплывали на поверхность разсѣянныхъ душъ религіозныя чувствованія, кому оказывалось нужнымъ утѣшеніе въ скорби, кто, подъ вліяніемъ моды, хотѣлъ познакомиться съ лучшими сочиненіями изъ духовной литературы, для того всегда были готовы и по языку доступны духовныя книги знаменитыхъ иностранныхъ писателей, а для духовныхъ бесѣдъ всегда были на лицо заграничныя наставники, посѣщавшіе насъ весьма усердно и всегда собиравшіе вокругъ себя внимательныхъ слушателей, и особенно слушательницъ. Ихъ поученія были искусно приспособляемы къ разумѣнію и нравственному состоянію нашихъ образованныхъ людей; они не были сопровождаемы изслѣдованіями, требовавшими напряженія ума, и обременительными правилами нравственной жизни. Католическіе аббаты обѣщали всепрощеніе и отверженіе дверей рая властію святаго отца, а протестантскіе учителя — спасеніе безъ хлопотъ, одною вѣрою. Отсюда и пошло это ученіе о всепрощающей любви, съ забвеніемъ правды Божіей, и необходимости подвиговъ благочестія. «Любовь! Любовь!» затвердили всѣ, и отвергнувъ тяжкіе труды нравственнаго самоисправленія, устремились на необременительныя для богатыхъ людей подвиги общественной благотворительности, улаждаемыя притомъ благотворительными концертами и увеселеніями. Тутъ нѣтъ тревоги для совѣсти, нѣтъ страха вѣчныхъ мученій, нѣтъ покаянныхъ подвиговъ и молитвъ (особенно на славянскомъ языкѣ), какихъ требуетъ православная церковь. Тутъ такая легкая и приятная дѣятельность для ума, — особенно для лѣниваго, — и такая улаждительная благочестивая восторженность, наполняющая воображеніе свѣтлыми образами и сердце такими радостными надеждами! Какая широкая и гладкая дорога для всѣхъ заграничныхъ сектъ!

II.

Изъ самаго краткаго очерка религіозныхъ сектъ, появившихся въ нашемъ образованномъ обществѣ въ послѣдніе два

вѣка, будетъ видно, съ какою легкостію они проникали въ него изъ заграницы, и съ какою силою имъ овладѣвали. Начнемъ съ нашествія іезуитовъ.

Со времени возникновенія нашихъ реформъ іезуиты зорко слѣдили за нами, и неустанно толкались въ наши не крѣпко затворенныя двери. Петръ Великій не терпѣлъ іезуитовъ: они были изгнаны изъ Россіи въ 1689 г. Но тѣмъ не менѣе, они имѣли мѣсто, гдѣ поставить ногу: въ Московской цѣмечкой слободѣ католикамъ дозволено было имѣть свою церковь и держать при себѣ духовныхъ лицъ, между которыми несомнѣнно втирались іезуиты. Они открыто появились и снова были изгнаны въ 1719 году *). Но, никогда не унывая и не отчаяваясь въ успѣхѣхъ своего дѣла, они тайно готовились и, улучивъ благоприятное время, предприняли настоящій походъ на наше отечество и церковь, начавъ его при Павлѣ I-мъ и открыто развернувъ свое знамя при Александрѣ I-мъ. Не довольствуясь Полоцкомъ, гдѣ дотолѣ былъ главный центръ дѣятельности іезуитскаго ордена, они утвердились въ Петербургѣ, овладѣли здѣшней католическою церковію, ея имѣніями и доходами, подчинили себѣ католическое духовенство вмѣстѣ съ митрополитомъ Сестреничичемъ, и повели свою пропаганду по всей Россіи. Они нашли себѣ покровителей между сильными тогда у насъ эмигрантами, польскими аристократами, и между русскими именитыми дворянами, совращенными въ католичество, — Голицыными, Разумовскими, Гагаринными, Толстыми и др. Они открыли въ Петербургѣ пансіонъ, въ который русскіе аристократы отдавали своихъ дѣтей на воспитаніе за дорогую плату. Отсюда извѣстный патріотъ Растопчинъ пригласилъ ихъ въ Москву, Паулуччи въ Ригу и Митаву, Ришелье въ Одессу, Сибирскій губернаторъ Пестель въ Сибирь для просвѣщенія инородцевъ, а Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Кочубей послалъ ихъ для той же цѣли въ наши восточныя степи. Они развили свою пропаганду въ Казани, Саратовѣ, Астрахани, Пензѣ, Воронежѣ, Моздокѣ, Тифлисѣ, Томскѣ и Иркутскѣ, всюду открывая

---

*) Руководство къ русской церковной исторіи профессора Казанской духовной академіи П. Знаменскаго, стр. 284.

школы. Они приобрѣли 13 тысячъ душъ крѣпостныхъ крестьянъ и огромныя богатства—правдами и неправдами. Неизвѣстно, какъ далеко еще распространилось бы ихъ вліяніе, еслибы они не вооружили противъ себя, бывшаго прежде ихъ орудіемъ, самого Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода князя Голицына, совративъ въ католичество его 17-лѣтняго племянника, посланнаго потомъ на увѣщаніе къ архимандриту Филарету, внослѣдствіи митрополиту Московскому. Въ 1815 г. іезуиты изгнаны были изъ Петербурга, а въ 1820 году и изъ Россіи. Имѣнія ихъ были конфискованы, деньги отданы въ приказы общественнаго призрѣнія. «Орденъ іезуитовъ былъ упраздненъ, говоритъ нашъ церковный историкъ профессоръ Знаменскій, но сѣмена посеяныя имъ и послѣ этого долго пробивались на русской землѣ сорными травами. Къ счастью Россіи, дѣятельность его не была народною, не проникала до групповыхъ слоевъ русской земли, а занималась легкой обработкой однихъ только высшихъ ея слоевъ съ ихъ наносною съ Запада пылью и грязью» *).

Но нашествіе іезуитовъ было въ нашемъ отечествѣ явленіемъ временнымъ и преходящимъ. Вліяніе протестантства, напротивъ, начавшееся со времени Петра Великаго, продолжалось во всѣ послѣдующія царствованія, продолжается и доселѣ. Въ видѣ особой секты, невиданной въ православной средѣ, оно появилось въ Москвѣ въ 1713 году, и извѣстно подъ именемъ секты лѣкаря Тверитинова, учившагося медицинѣ въ Московской нѣмецкой слободѣ. Тамъ онъ увлекся протестантскими возрѣніями, въ теченіе десяти лѣтъ успѣлъ найти себѣ послѣдователей, предавшихся протестантству до фанатизма. Секта эта была разсѣяна Стефаномъ Яворскимъ **). Но вообще увлеченіе нашего образованнаго общества протестантскими идеями было такъ велико, что оно почти все въ цѣломъ своемъ составѣ можетъ быть названо обширною сектою, относившеюся неблагожелательно къ своей родной церкви, ея ученію и учрежденіямъ. Это направленіе мы видимъ и теперь въ такъ называемыхъ либеральныхъ возрѣніяхъ и отношеніяхъ къ церкви нашихъ образованныхъ людей. Но

---

*) Тамъ же, стр. 471—475. **) Тамъ же, стр. 471—475.

были случаи увлеченія протестантствомъ исключительные и особенно обнаруживающіе религиозную шаткость нашего общества и поразительную удобопреклонность его ко всякимъ новымъ и ложнымъ протестантскимъ измышленіямъ и кружкамъ. Отмѣтимъ особенно выдающіяся въ этомъ смыслѣ бывшія у насъ въ большой силѣ два общества, *масоновъ и мистиковъ*.

Исторія масонства, или общества вольныхъ каменщиковъ, извѣстна. Оно состояло изъ членовъ, раздѣлявшихся на разные степени и получавшихъ въ каждую степенъ особое посвященіе съ своеобразными обрядами. Они имѣли особые символическіе знаки, по которымъ могли узнавать другъ друга. Собранія ихъ назывались *ложамъ*. Въ этихъ собраніяхъ они занимались бесѣдами и религиозными упражненіями, которыя содержали въ глубокой тайнѣ. Въ числѣ братьевъ масоновъ состоялъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ, многіе чины придворной и государственной службы, литераторы и образованные люди, каковы Новиковъ, Лопухинъ, Гамалея и множество другихъ. Примѣромъ этихъ передовыхъ людей увлечены были нѣкоторые любители просвѣщенія и изъ православнаго духовенства. Главнымъ дѣятелемъ въ распространеніи масонства въ Россіи былъ нѣкто Лабзинъ. Приемъ, который онъ употреблялъ для привлеченія новыхъ членовъ въ масонское общество, я узналъ отъ знаменитаго современника наибольшаго развитія у насъ масонства, митрополита Филарета. Въ одномъ разговорѣ со мною почившій святитель сказалъ мнѣ: «обо мнѣ говорили, что я былъ масономъ; никогда я имъ не былъ. Лабзинъ пріѣзжалъ ко мнѣ и говорилъ: церковь наша утратила свое вліяніе на народъ. Образуется особое религиозное общество для поддержанія благочестія въ народѣ. Я отвѣчалъ ему: если церковь утратила вліяніе на народъ, то надобно возстановить его, а не изобрѣтать новое общество. За церковь стоитъ Иисусъ Христосъ, а за ваше общество я не знаю, кто». Изъ немногихъ словъ Лабзина видно, что цѣлю нашихъ образованныхъ сектантовъ всегда было и есть, какъ увидимъ дальше, противодѣйствіе православной церкви по незнанію ея и предубѣжденіямъ къ ней. Сущность масонскаго ученія состояла въ исканіи высшаго знанія